

Панов Валерий

25.6.95

Судьбы

Александра ТУРГАН

Корреспондент "Культуры" беседует с Галиной и Валерием Пановыми

Родина великого Бетховена маленький Бонн — это не только город политиков, но и некогда один из любимых курортов магнатов. Между концертами под звон бокалов с золотистым вином на берегу Рейна заключались сделки, поэтому в Рейнланде музыкальные традиции прочные и давние. Денег на искусство тогда хватало. Сейчас, впрочем, времена изменились, и жалобы на нехватку средств стали общим местом.

Но власти земли Северный Рейн-Вестфалия все равно делают все, чтобы сохранить музыкальное лицо Бонна.

Валерий Панов, главный балетмейстер боннского оперного театра, живет и работает на Западе уже много лет. Галина Панова (Рагозина), его супруга, — прима-балерина театра, и большинство солистов — наши танцовщики. Естественным было мое желание узнать, как им живется здесь и что такое работа "за кордоном". Для большинства танцовщиков — это первый контракт и первый опыт жития на Западе.

После спектакля все не разбираются, а допоздна сидят в кантоне, актерском буфете. Видно, что ребятам вместе не в тягость. Русская, немецкая, английская речь — немного пива и разговоры...

— Как вам работаете в Германии?

— Понимаете, после тридцати тебе не выскочить, наш век недолог. У многих дети, надо о них думать. А дома криминал и никакой защиты во всем. Конечно, хочется нормально и спокойно работать. Почему нельзя быть гражданином мира? Прожить жизнь в одной стране и в одном театре просто скучно. Посмотреть мир, ну не туризм, сами понимаете, а встретиться с разными балетмейстерами, все попробовать, стать профессионалами, наконец. В нашем театре работаешь без лишней эмоции, но, думается, так не везде.

— Вы все не просто плотно заняты в репертуаре, а порой ведете каждый несколько пар-

тий в спектакле. Удастся ли выбираться на конкурсы?

— Конкурсы — это проституция! Все заранее распределено. Сама подготовка к конкурсу, конечно, что-то дает для формы, рекламы, а так летать за свои, не выпадая из репертуара, ну и даже если ты взял золото? А потом таких "золотых" никто не берет, потому что не интересны как танцовщики.

— То, что Валерий — русский хореограф, легко или сложно?

— Он спокойный, нервы не мотает, дает работать, иногда даже чересчур мягкий. Но может и наорать, но только на нас, на "своих". С западными танцовщиками надо обходительно, сперва хвалить — потом замечание. Они хитрее. Не такие простые ребята, как мы, себя берегут и деньгам знают счет с детства. Не то, что мы. Но русская школа совершенно иная, и им бывает временами сложно делать то, что у нас уже в "автомате". Валерий, соединяя все школы и стили, пытается создать свою "пановскую" школу. Он имеет на это право, был замечательным танцовщиком и может объяснить не только "что", но и "как", а это мало кто умеет, хотя временами из его хореографии бывает трудно.

— Национальные школы — это вымирающее понятие?

— Знаете, только здесь понимаешь, как нас хорошо учили — мы многое можем, без дураков! А сценический образ? Это же чисто русское понятие. Западные артисты танцуют балетные комбинации, но публика все чувствует прекрасно и идет за тобой, если ты вкладываешь душу. А школы? Сейчас это все рушится — все танцуют в одном стиле. Конечно, Петица не уйдет никогда, но с уходом выдающихся мастеров некому передать классическое наследие. Модерн? Кто его лучше исполнителю? Классические танцовщицы. А наоборот не получается. Модерн надо танцевать, когда пора на пенсию, когда классику уже не танешь.

— Чего вам не хватает в этой жизни?

— Конечно, хочется классики, но и попробовать нечто иное. Не привыкну танцевать один или два спектакля в сезон, а потом прощаться с ними. Только растануешься — и все. Не хватает родителей, друзей, нашей фанатной публики, костюмера в кулисе с чайком. Наших грамотных шитьих костюмов — у нас высочайшие

Галина Панова на рекламном плакате спектакля "On your toes"

профессионалы этого дела. Нашей особой театральной атмосферы не хватает. И, конечно, надо учить язык, но когда? Мы же в театре все время.

— Про наших говорят, что они все время думают о деньгах.

— Мы? Да мы лохи! Мы вна-ч а л е подписываем контракты, а потом переводим и понимаем, что все совсем не так, как договаривались. В двадцать лет мы вообще не обсуждали эту тему — мы были так воспитаны. Конечно, надо работать с агентом, платить ему 15 процентов, но дирекция не очень любит брать таких. На них трудно давить, их нельзя уговорить играть с травмой, а нас можно: укол в связочку — и пошел... Но, конечно, здесь ты защищеннее, здесь все на контракте — и дирекция, и ты. И тебя нельзя за три дня уволить из театра. Если контракт не продлевается, сообщают за девять месяцев, и в суд можешь подать. В каждом театре есть юрист.

— А как с детьми управляется?

— Сложно. В театр брать с собой, как у нас, нельзя — таковы правила. Сидят дома с собаками. Особых кружков, школ и занятий этому соответствовать. Если гениальный Нуриев позволял себе всюду опаздывать на полчаса, то что говорить о других? В Германии потрясающе отлаженная система законодательства, но только минимум через три-четыре года наши ее осваивают. Разгильдяйство, приобретенное при советской власти, цепко сидит в человеке. Необходимо понимать, что такое время. Хотя талантливые люди всегда немножечко ненормальные, и им за это и платят, но дисциплина — проблема всех моих балетных компаний, где бы я ни работал. И все равно я, как папа, собираю у себя всех русских со всего мира.

— А как с искусством?

— Это закончилось в шестидесятые. Сейчас никто не спрашивает, что и как ты танцуешь. Главный вопрос: сколько ты получаешь?..

С самим Валерием Пановым мы проговорили в его офисе три часа. К концу он взмолился: отпустите меня, пожалуйста, домой: это самое длинное интервью в моей жизни.

— Чуть ли не вся русская

Культура. — 1995. — 25 июня. — 1 июля. IN 257. — С. 10-11.

Дикие лошади

классика поставлена вами на Западе — "Идиот", "Три сестры", "Война и мир". В труппе много наших танцовщиков. Это ваша установка?

— Люблю русское балетное тело, русский талант, который сидит в природе русского человека, обожаю работать со своими — они и артисты, и замечательные танцоры, потрясающие индивидуальности, характерные, деми-характерные, что на Западе очень редко можно встретить. Но вместе с этими подарками я приобретаю огромную проблему — учить человека быть человеком. На Западе существует не привычное для нас понятие профессионализма. Дисциплинированный, законопослушный человек — это профессионал! Я смеялся раньше над этим — это хорошо воспитанный, дисциплинированный артист, но это не профессионал на сцене. Теперь я понимаю, что, пользуясь социальными привилегиями, которые дает западная демократия, имея контракт, ты обязан соблюдать все — от и до. С нашими это не получается. При любой зарплате тебе полностью оплачивается абсолютно все — медицинское обслуживание, включая сложнейшие операции в любой стране мира. Но необходимо этому соответствовать. Если гениальный Нуриев позволял себе всюду опаздывать на полчаса, то что говорить о других? В Германии потрясающе отлаженная система законодательства, но только минимум через три-четыре года наши ее осваивают. Разгильдяйство, приобретенное при советской власти, цепко сидит в человеке. Необходимо понимать, что такое время. Хотя талантливые люди всегда немножечко ненормальные, и им за это и платят, но дисциплина — проблема всех моих балетных компаний, где бы я ни работал. И все равно я, как папа, собираю у себя всех русских со всего мира.

— Вам нужны танцовщики, которые умеют все. Ваша труппа небольшая?

— Здесь и всюду принято говорить балетные компании. Наша была из тридцати семи, но я сократил ее, чтобы больше платить достойным. Но с русскими всегда трудно, им всегда мало... — А откуда идет такое самощущение?

— Потому что мы всегда нищие были. Ну и, конечно, от незнания законов, отсутствия воспитания. Пока сообразят — уже надоели, и их увольняют. Здесь все очень жестко — это и есть демократия. Но увольнение — это и форма свободы, это сложная форма жизненной борьбы. Необходимо все время повышать свое качество, чтобы не быть уволенным. Советский человек не привык быть самостоятельным... А здесь будь ответственным, иначе потеряешь работу в Германии, а здесь любая работа подарок, таких социальных гарантий нигде нет. Это прекрасно осознают западные танцовщики. Демократия — это безумно трудно! А наши приедают жить, хорошо жить. Не умеют быстро справляться с травмами, восстанавливаться. Немцы даже любят подчиняться, а нам необходимо, чтобы нас били, и тогда порядок возможен. Этих проблем нет ни с англичанами, ни с французами.

кратил ее, чтобы больше платить достойным. Но с русскими всегда трудно, им всегда мало... — А откуда идет такое самощущение?

— Потому что мы всегда нищие были. Ну и, конечно, от незнания законов, отсутствия воспитания. Пока сообразят — уже надоели, и их увольняют. Здесь все очень жестко — это и есть демократия. Но увольнение — это и форма свободы, это сложная форма жизненной борьбы. Необходимо все время повышать свое качество, чтобы не быть уволенным. Советский человек не привык быть самостоятельным... А здесь будь ответственным, иначе потеряешь работу в Германии, а здесь любая работа подарок, таких социальных гарантий нигде нет. Это прекрасно осознают западные танцовщики. Демократия — это безумно трудно! А наши приедают жить, хорошо жить. Не умеют быстро справляться с травмами, восстанавливаться. Немцы даже любят подчиняться, а нам необходимо, чтобы нас били, и тогда порядок возможен. Этих проблем нет ни с англичанами, ни с французами.

— Так что же, выходит, хорошим танцовщикам лучше не уезжать?

— Я сам пытался освободиться от этого, но, наверное, сидит и во мне тоже это страшное желание "Хочу все сразу!". Получить все очень быстро, и обязательно, чтобы это было наилучшим образом оплачено! Это не только в искусстве — это во всем. По всему миру открывается множество русских ресторанов, кафе, закусокных. Берутся огромные деньги за блюда. А через пару месяцев все закрывается. Потому что форма, сама философия обслуживания и отношения к людям и к закону напрочь отсутствует — это не воспитано в нас. Мы не умеем уважать закон! Тут одна танцовщица выразила свои претензии рукоприкладством, и ее уволили, хотя и уволить было непросто.

Германия — одна из образцовых демократий в мире. Здесь диктат, жесткие отношения долго невозможны, люди возмущаются, и выводы будут сделаны... Эмоциональная сторона никого не волнует — аргументируйте свои претензии.

невозможны, люди возмущаются, и выводы будут сделаны... Эмоциональная сторона никого не волнует — аргументируйте свои претензии.

— Но, может быть, жесткость и необходима? Мы так эмоционально распушены, живем, исходя из своих состояний и настроений. Культура взаимоотношений теряется, но без нее невыносимо?

— Демократия — это жуть! Это безумное напряжение. Это профессионализм. Но, зная и соблюдая законы, двигайся, куда хочешь. А Советы так отшлифовали мозги на столетия, что уйма времени минует, пока придет здоровое самосознание. Я это знаю по себе — мне было невыносимо трудно с собой первые пять лет.

— Когда вы говорите о несчастьях, проблемах нашего национального характера, от которого вы как профессионал страдаете, считаете ли вы эти проблемы всегдашними или только последнего времени?

— Я думаю, что вкушаю результаты распада.

— Мне тоже кажется, что эта проблема ранее так остро не стояла. Было чувство ответственности, существовали профессиональные этика и языки. Деятели искусства всегда были на виду, их влияние и авторитет были огромными. И им тоже ничто человеческое не было чуждо. Люди иногда срывались, было отчего, даже уходили в запой, но чувство профессионального долга пересиливало, а временами просто спасало. Свобода, так неожиданно свалившаяся на молодых, которую они не выстрадали, несколько развратила их...

— Я не хочу быть стариком и утверждать, что мое поколение было лучше, но корни этой проблемы мне ясны. Умение восторгаться новым, учиться всегда и всему, впитывать в себя все, что бурлит, рождается, спорит — к сожалению, нам не всегда свойственно. Взять, к примеру, Юрия Любимова, он в возрасте попал на Запад, но я видел, что он учится всему, как ребенок. Кстати, он

назначен нашим главным режиссером и приглашен на три постановки, но финансовая ситуация в театре несколько откладывает работу. Возраста для таланта нет.

Возьмите Ростроповича, ведь он "парняга", заводила. Но другое дело, что он не путает жизнь и сцену. Творческий профессионализм все ставит на свои места.

— Проблема дисциплины — самая болезненная?

— Наипервейшая проблема со стопами — "чистые пальцы". Я получаю удивительные тела, таланты, иногда хорошее образование — что сейчас большая редкость. Но в обучении наших танцовщиков все больше проявляется небрежность именно в смысле работы со стопой. В результате у танцовщиков не работают пальцы, теряется скорость при движении, без которой нет современного танца. Этой проблемы нет у аме-

риканцев — точное, жесткое исполнение всех позиций. А наши зачастую — "принцы в лаптях", так это здесь называется! Смотреть на это нельзя, даже если танцовщик замечательный. Необходимо чистота, абсолютная чистота стоп, а стало быть, и линий! И это опять проблема философии и культуры.

Мои коллеги-иностранцы часто смеются надо мной: "Ты ищешь мифических исполнителей!" Да, я, наверное, как гоголевская Агаша Тихоновна, желаю иметь невозможное: замечательные пальцы "фит", как у Бурновиля, чтобы пихты и дуэты делали, как в России, чтобы быстрота ног была, как у Баланчина, техника классического танца, как у лучших танцовщиков мира, и чтобы была необыкновенная персональность, сценичность, — таких нет!

И следующее несчастье — это остатки советского сознания: "Мы лучшие в мире!" К сожалению, многие знаменитые танцовщики и педагоги уезжают слишком поздно на Запад. А Запад — страшная вещь. Жизнь в буквальном смысле слова заставила меня учиться всему заново, и теперь, встречаясь со своими коллегами, я с грустью замечая, как

ничто не изменилось в них за эти десятилетия. Чтобы жить здесь, повторяю, необходимо учиться законом западной демократии. Все приехавшие сюда наши "wilde horses" — дикие, необъезженные лошади, как говорят англичане.

Талант исчезает, если его не развивать. Если ты говоришь: я лучший в мире, то конец тебе! Как можно сегодня работать, не зная Бурновиля, Баланчина, Робинса, Грэм, Тетли, Килиана? Как можно работать без открытий Аштена в классике, без открытий французской школы? Это и есть наше имперство, и оно мучает меня всю мою жизнь.

— Как относятся в театре к тому, что так много русских?

— Никак. Людям набирают по таланту — и это тоже форма демократии. Всегда, наверное, некоторая доля национализма существует, но, конечно же, балетный мир произошел из России. Сначала Петица сохранил все, что потерял Запад, — "Жизель", "Тщетная предосторожность". Потом пришел Дягилев и продиктовал устройство балета на ближайшие полвека. Знаменитый Аштен говорил о себе, что он не английский хореограф, так как все его учителя были русские.

Только в России благодаря Петице, благодаря балету и его высочайшим достижениям русской хореографии "опера" превратилась в "оперу и балет". А на Западе так и осталось — только "опера", а мы — "балет" при ней.

Интересно, что театральная Россия работала и работает по имперской, германской системе. Наши императоры были немцы, не забывайте. Вся театральная машина привнесена отсюда, так исторически сложилось.

Про меня нельзя сказать, что я набираю шарлатанов. Вся Германия знает, что немецких балетных танцоров нет. Их здесь не воспитывают, и ими никто стать не желает. Я пытался провести конкурс немецких танцовщиков — убогость была вопиющей. В среднем билет в театр стоит 50 марок, ни один здравомыслящий немец не потратит деньги, чтобы увидеть, извините, дермо.

— Мне кажется, экономические возможности и здесь лимитируют художника. Сильно повязаны вы ими?

— Баланчин — гений балетного дизайна — на вопрос "почему он так открыл танцовщиков и обнажил формы?" отвечал, ошарашивая всех: просто у меня нет денег на костюмы. Я был юным, совсем ничего не понимал, думая, что это театральное кокетство. А все так и есть.

— Но на театр оказывают давление со стороны?

— Практически нет. Здесь, в Германии, как, впрочем, и в других странах, давить на тебя может только генеральный интendant театра, и ты ничего не сможешь сделать, если твоё решение не одобрено им. Конечно, ваш контракт — подспорье, в трудной ситуации он дает возможность маневра. Но интendant всегда может перекрыть вам кислород — хотя вместе с адвокатом обговариваешь пункты. Но как обговорить творческие нюансы? Да, интendants должны быть выдающиеся специалисты театральной организационной работы со знанием искусства, музыки и театра, но никогда не экономисты. В Германии финансовые структуры не связаны с руководством театра, они работают самостоятельно, в этом принцип. Разделение обязанностей — должен быть контроль. И поэтому городские власти назначают финансового директора, нанимают директора балетной, оперной компании. Глава театра — генеральный интendant — дол-

жен органи- бы все ра- любить тво- несбыточне- дость.

— Оказы публику кр

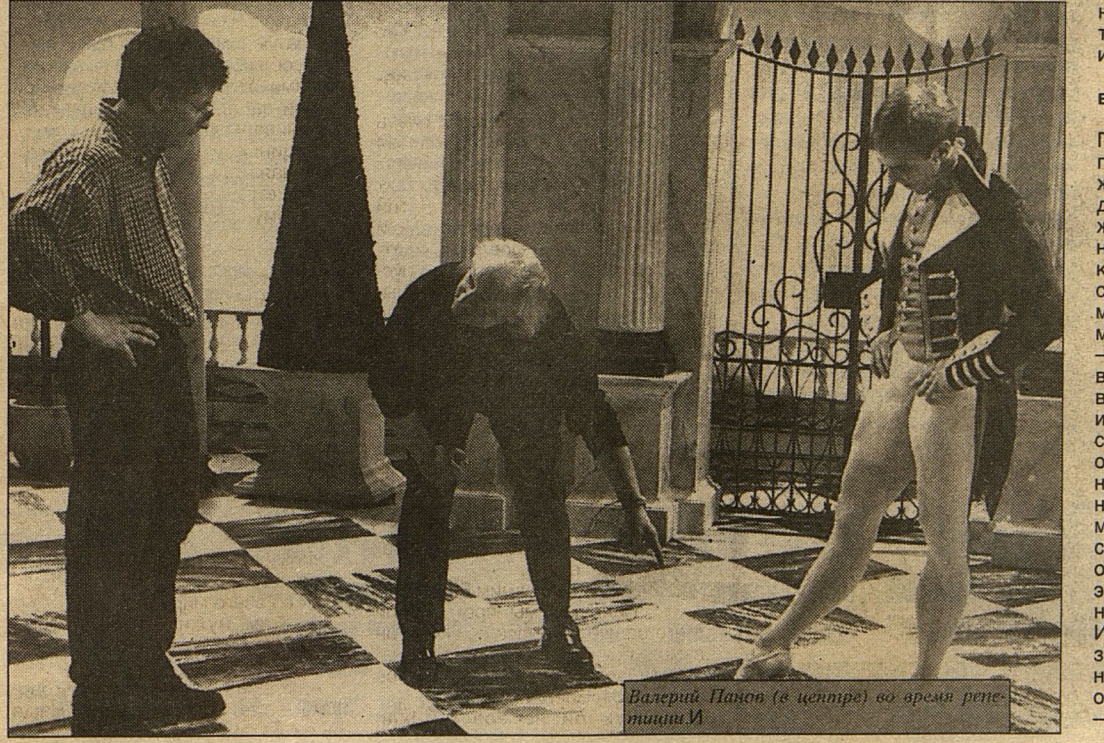
— Неско модернизм. идею. А как рое. Крити, классикой, гажирован- Бонне руга- щаются, но Богу, влиян- ременный маркетинг, атр возвр- ибо зритель- тую ноту.

— А как исполните,

— Никак ходят. У ме- людей соро- очень мале- ностях мне- ских. Я про- жие министр- ребята уже- мать. Наша- одна из сил- Могу крити- да исполни- ду у нас на- ценная по- показателе- нам вашего- — В 1974- ли из Совет- иль. Эта ст- пала для н- нас замеча- сих пор. На- другое дел- национальн- ли миллион- венно, Изр- Одного эн- бы. Мы пол- чество пре- все поним- ал, упустить- были собре- для Израил- рительные- использовать- такты.

— А чем время отту

— Мы не- когда. Не у- паться, и- та- чество —- эт- нужным, ин- быть в фор- — это про- Сейчас уже

Валерий Панов (в центре) во время репетиции И

"ON YOUR TOES"
— Jack Kroll, Newsweek
"A CAPTIVATING!"
— Walter Kerr, New York Times
"OUR TOES"
RODGERS & HART'S
ASH MUSICAL
VIRGINIA THEATRE
145 West 52nd Street

профессионалы этого дела. Нашей особой театральной атмосферы не хватает. И, конечно, надо учить язык, но когда? Мы же в театре все время.
— Про наших говорят, что они все время думают о деньгах.
— Мы? Да мы лохи! Мы вна- ч а л е подписываем контракты, а потом переводим и понимаем, что все совсем не так, как договаривались. В двадцать лет мы вообще не обсуждали эту тему — мы были так воспитаны. Конечно, надо работать с агентом, платить ему 15 процентов, но дирекция не очень любит брать таких. На них трудно давить, их нельзя уговорить играть с травмой, а нас можно: укол в связочку — и пошел.. Но, конечно, здесь ты защищеннее, здесь все на контракте — и дирекция, и ты. И тебя нельзя за три дня уволить из театра. Если контракт не продлевается, сообщают за девять месяцев, и в суд можешь подать. В каждом театре есть юрист.
— А как с детьми управляетесь?
— Сложно. В театр брать с собой, как у нас, нельзя — таковы правила. Сидят дома с собаками. Особых кружков, школ и занятий для детей здесь нет. Но и у нас уже все это рушится. Знаете, только у русских танцовщиц семьи и дети, наши западные коллеги одинокие, соответственно, не имеют наших проблем.
— А как с искусством?
— Это закончилось в шестидесятые. Сейчас никто не спрашивает, что и как ты танцуешь. Главный вопрос: сколько ты получаешь?..
С самим Валерием мы проговорили в его офисе три часа. К концу взмолился: отпустите меня, пожалуйста, домой: это самое длинное интервью в моей жизни.
— Чуть ли не вся русская

Кулюра. — 1995. — 25 июля. — 1 июля IN 25. — С. 10-11.
Дикие лошади
классика поставлена вами на Западе — "Идиот", "Три сестры", "Война и мир". В труппе много наших танцовщиков. Это ваша установка?
— Люблю русское балетное тело, русский талант, который сидит в природе русского человека, обожаю работать со своими — они и артисты, и замечательные танцоры, потрясающие индивидуальности, характерные, деми-характерные, что на Западе очень редко можно встретить. Но вместе с этими подарками я приобретаю огромную проблему — учить человека быть человеком. На Западе существует не привычное для нас понятие профессионализма. Дисциплинированный, законопослушный человек — это профессионал! Я смеялся раньше над этим — это хорошо воспитанный, дисциплинированный артист, но это не профессионал на сцене. Теперь я понимаю, что, пользуясь социальными привилегиями, которые дает западная демократия, имея контракт, ты обязан соблюдать все — от и до. С нашими это не получается. При любой зарплате тебе полностью оплачивается абсолютно все — медицинское обслуживание, включая сложнейшие операции в любой стране мира. Но необходимо этому соответствовать. Если гениальный Нуриев позволял себе всюду опаздывать на полчаса, то что говорить о других?! В Германии потрясающе отлаженная система законодательства, но только минимум через три-четыре года наши ее осваивают. Разгильдяйство, приобретенное при советской власти, цепко сидит в человеке. Необходимо понимать, что такое время. Хотя талантливые люди всегда немножечко ненормальные, и им за это и платят, но дисциплина — проблема всех моих балетных компаний, где бы я ни работал. И все равно я, как папа, собираю у себя всех русских со всего мира.
— Вам нужны танцовщики, которые умеют все. Ваша труппа небольшая?
— Здесь и всюду принято говорить балетные компании. Наша была из тридцати семи, но я со-

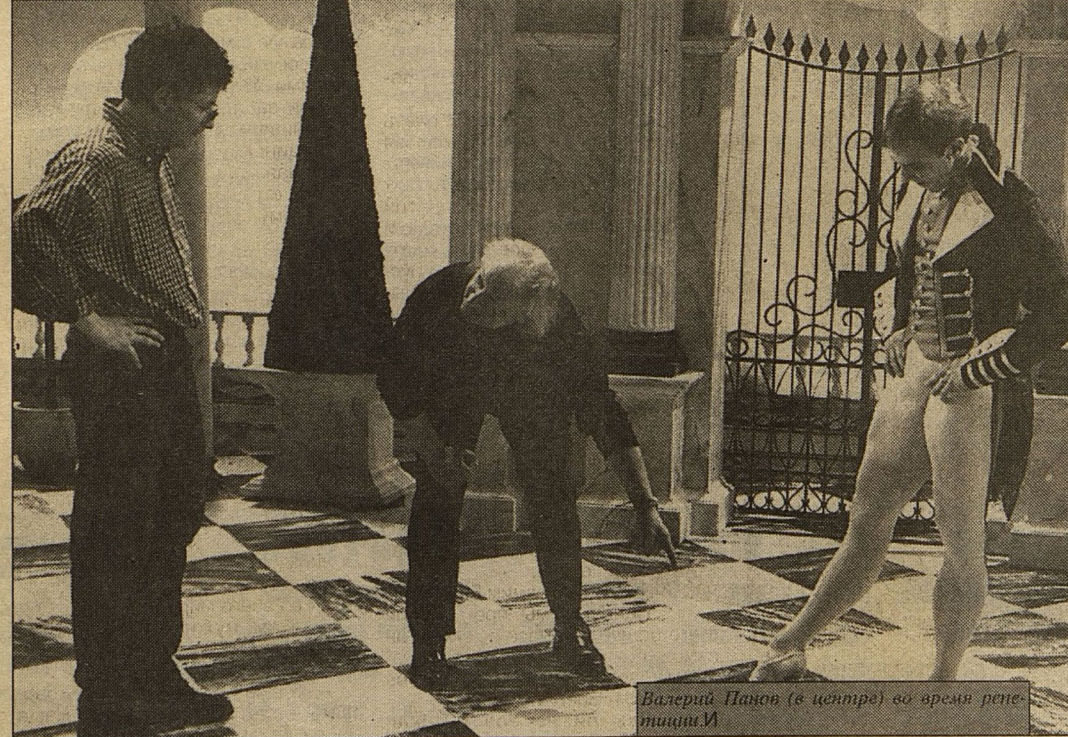
кратил ее, чтобы больше платить достойным. Но с русскими всегда трудно, им всегда мало...
— А откуда идет такое самощущение?
— Потому что мы всегда нищие были. Ну и, конечно, от незнания законов, отсутствия воспитания. Пока работают со своими — они и артисты, и замечательные танцоры, потрясающие индивидуальности, характерные, деми-характерные, что на Западе очень редко можно встретить. Но вместе с этими подарками я приобретаю огромную проблему — учить человека быть человеком. На Западе существует не привычное для нас понятие профессионализма. Дисциплинированный, законопослушный человек — это профессионал! Я смеялся раньше над этим — это хорошо воспитанный, дисциплинированный артист, но это не профессионал на сцене. Теперь я понимаю, что, пользуясь социальными привилегиями, которые дает западная демократия, имея контракт, ты обязан соблюдать все — от и до. С нашими это не получается. При любой зарплате тебе полностью оплачивается абсолютно все — медицинское обслуживание, включая сложнейшие операции в любой стране мира. Но необходимо этому соответствовать. Если гениальный Нуриев позволял себе всюду опаздывать на полчаса, то что говорить о других?! В Германии потрясающе отлаженная система законодательства, но только минимум через три-четыре года наши ее осваивают. Разгильдяйство, приобретенное при советской власти, цепко сидит в человеке. Необходимо понимать, что такое время. Хотя талантливые люди всегда немножечко ненормальные, и им за это и платят, но дисциплина — проблема всех моих балетных компаний, где бы я ни работал. И все равно я, как папа, собираю у себя всех русских со всего мира.
— Вам нужны танцовщики, которые умеют все. Ваша труппа небольшая?
— Здесь и всюду принято говорить балетные компании. Наша была из тридцати семи, но я со-

риканцев — точное, жесткое исполнение всех позиций. А наши зачастую — "принцы в лаптях", так это здесь называется! Смотреть на это нельзя, даже если танцовщик замечательный. Необходимо чистота, абсолютная чистота стоп, а стало быть, и линии! И это опять проблема философии и культуры.
Мои коллеги-иностранцы часто смеются надо мной: "Ты ищешь мифических исполнителей!" Да, я, наверное, как гоголевская Агаша Тихоновна, желаю иметь невозможное: замечательные пальцы "фит", как у Бурнонвилля, чтобы пихты и дуэты делали, как в России, чтобы быстрота ног была, как у Баланчина, техника классического танца, как у лучших танцовщиков мира, и чтобы была необыкновенная персональность, сценичность, — таких нет!
И следующее несчастье — это остатки советского сознания: "Мы лучшие в мире!" К сожалению, многие знаменитые танцовщики и педагоги уезжают слишком поздно на Запад. А Запад — страшная вещь. Жизнь в буквальном смысле слова заставила меня учиться всему заново, и теперь, встречаясь со своими коллегами, я с грустью замечая, как

ничто не изменилось в них за эти десятилетия. Чтобы жить здесь, повторять, необходимо учиться законам западной демократии. Все приехавшие сюда наши "wilde horses" — дикие, необъезженные лошади, как говорят англичане.
Талант исчезает, если его не развивать. Если ты говоришь: я лучший в мире, то конец тебе! Как можно сегодня работать, не зная Бурнонвилля, Баланчина, Робинса, Грэм, Тетли, Килиана? Как можно работать без откровений Аштена в классике, без открытий французской школы? Это и есть наше имперство, и оно мучает меня всю мою жизнь.
— Как относятся в театре к тому, что так много русских?
— Никак. Людей набирают по таланту — и это тоже форма демократии. Всегда, наверное, некоторая доля национализма существует, но, конечно же, балетный мир произошел из России. Сначала Петипа сохранил все, что потерял Запад. — "Жизель", "Щетная предосторожность". Потом пришел Дягилев и продиктовал устройство балета на ближайшие полвека. Знаменитый Аштен говорил о себе, что он не английский хореограф, так как все его учителя были русские.
— Но на театр оказывают давление со стороны?
— Практически нет. Здесь, в Германии, как, впрочем, и в других странах, давить на тебя может только генеральный интендант театра, и ты ничего не сможешь сделать, если твое решение не одобрено им. Конечно, ваш контракт — подспорье, в трудной ситуации он дает возможность маневра. Но интендант всегда может перекрыть вам кислород — хотя вместе с адвокатом обогативаешь пункты. Но как обогатить творческие нюансы? Да, интендантами должны быть высокие специалисты театральной организационной работы со знанием искусства, музыки и театра, но никогда не экономисты. В Германии финансовые структуры не связаны с руководством театра, они работают самостоятельно, в этом принципе. Разделение осознанное — должен быть контроль. И поэтому городские власти назначают финансового директора, нанимают директора балетной, оперной компании. Глава театра — генеральный интендант — дол-

жен организовывать все так, чтобы все работало на искусство, любить творчество, но это почти несбыточная, невозможная радость.
— Оказывает ли влияние на публику критика?
— Несколько давит паранойя модернизма. Лишь бы продать идею. А как это исполнено — второе. Критика не интересуется классикой, она чрезвычайно ангажированна и противоречива. В Бонне ругают, в Берлине восхищаются, но на публику это, слава Богу, влияния не оказывает. Современный театр переходит на маркетинг, и волеи-волеей театр возвращается к классике, ибо зритель желает слышать чистую ноту.
— А как вы находите новых исполнителей?
— Никак! Они все ко мне приходят. У меня сейчас очередь человек сорок, ведь балетный мир очень маленький. При всех сложностях мне приходится брать русских. Я профессионал, и мне нужен инструмент. Но теперешние ребята уже начали кое-что понимать. Наша балетная компания — одна из сильнейших в Германии. Могут критиковать меня, но никогда исполнителей. В прошлом году у нас на балетах была стопроцентная посещаемость — других показателей уровня я не знаю.
— Давайте вернемся к времени вашего отъезда на Запад.
— В 1974 году я и Галина уехали из Советского Союза в Израиль. Эта страна очень много сделала для нас, она наш дом, и у нас замечательные контакты до сих пор. Нас помнят и любят. Но другое дело, что для создания национального балета нужны были миллионы, которыми, естественно, Израиль не располагал. Одного энтузиазма не хватило бы. Мы получили огромное количество предложений по миру, и все понимали, что мы не должны упустить свой шанс. Нами, кстати, были собраны большие деньги для Израиля — давали благотворительные концерты, спектакли, использовали свои хорошие контакты.
— А чем вы занимаетесь во время отпуска?
— Мы не отдыхали вообще никогда. Не успеваем даже выспаться, и так было всегда. Творчество — это галеры. Чтобы быть нужным, интересным, ты обязан быть в форме. И поэтому отдых — это просто другой контракт. Сейчас уже не успеваю ни с кем

встретиться из друзей, только летаю на премьеры. Здесь, в Бонне, для меня самое важное — покой и тишина, на остальное нет ни времени, ни сил.
— Вашему браку с Галиной двадцать пять лет. В чем ее самое сильное качество?
— Галина — человек высочайшей дисциплины и профессионализма. Она фанат балета, буквально живет в театре. К тому же страстный книголюб, учится всю жизнь. У нее на Западе не было ни одного свободного дня. Только раз она "отдыхала", когда после травмы ахилла, разрыва сухожилия, надо было серьезно восстанавливаться, и еще это совпало с беременностью. Родив сына, через пять месяцев она уже танцевала "Жизель". Она прекрасная актриса, много снималась на телевидении. А на Бродвее в знаменитом мюзикле "On your toes" в течение года каждый день, иногда по два раза, пела, танцевала, играла. Но об этом расспросите ее сами. С Галиной произошла интересная метаморфоза — многие годы она была молчуньей, а сейчас вдруг заговорила...
Когда бы вы ни пришли в театр, Галина Панова всегда здесь, что-то репетирует, вводит других исполнителей. Уединиться для разговора оказалось делом непростым...
— Как вам удалось тогда в Нью-Йорке выдержать марафон в пятьсот спектаклей за сезон?
— Мне повезло в том, что все мои педагоги были неистово преданные балету люди. Родилась я в Архангельске. Мой отец был летчиком, и мы кочевали из города в город — Воркута, Вологда, Череповец, где мой первый учитель поставил меня в шесть лет "на пальцы". Потом, из-за моих слабых легких, переехали в Пермь. Там я поступила в знаменитое хореографическое училище. Тогда я не понимала, что многие мои педагоги были сыльные. Они были очень разные, и мы пробовали все, поэтому я не боюсь сложных, неожиданных ситуаций. Чем сложнее, тем интереснее! Благодаря тому, что они в меня вложили, я выиграла в восемнадцать лет конкурс в Варне. Наверное, я была удачливой. Судьба одарила меня встречами с потрясающими художниками. Но круги жизни — это и паузы, и тяжкие часы ожидания, и неизвестность. Это страшит и пугает любого. И со мной тоже так часто бывало.

Валерий Панов (в центре) во время репетиции И